

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Социально-культурная ситуация в Россия начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика

Д.В. СЕРГЕЕВ

В статье применяется культурно-семантический подход к анализу социальной и культурной ситуации в России, сложившейся к настоящему времени. Сравниваются научные концепции, которые объясняют с разных методологических позиций периодические возвраты к предыдущим стадиям социального и культурного развития в разных обществах. Методологической основой работы выступает теория Б. Хюбнера. Опираясь на его идеи, автор статьи вводит понятия «рецидивный культурный текст», «рецидивная культура» и «общество с рецидивной культурой», позволяющие исследовать тенденции в развитии российского общества. Они применяются для описания различных моделей нарушения в логике поступательного эволюционного развития российского общества. В целом, выделяются две доминирующие тенденции: архаизация и изобретенная архаика. Первая является содержательной чертой рецидивной культуры. Она проявляется в возрождении культурных и социальных элементов, относящихся к эволюционно более ранним стадиям развития культуры. Вторая тенденция заключается в фальсификации историко-культурных фактов, с целью намеренного удлинения научно признанной истории России, что указывает на глубину культурного кризиса в общественном сознании. Обе тенденции свидетельствуют о нежелании большинства членов общества осуществить качественный переход на новый уровень развития. Их проявленность и особенности показаны на материале научно-исследовательской, публицистической, законодательной и образовательной литературы.

Ключевые слова: культурная семантика, рецидивный культурный текст, общество с рецидивной культурой, архаизация, изобретенная архаика

Определение понятия «рецидивная культура» и ее характеристики

В научной литературе нет единого мнения по поводу причины возможных возрожденческих процессов в развитии общества и культуры. Различие оценок и мнений в отношении социально-культурного возрождения во многом объясняется различием аспектов, которые изучаются, и категорий, которыми авторы оперируют. Наиболее известной является теория пережитков Э. Тайлора, в которой пережиток – «это те обряды, обычаи, воззрения и прочее, которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого»

[Тайлор 1989, с. 28]. Английский антрополог отличает пережиток, который хотя и потерял свой смысл и стал непонятен для современников, является органичным элементом культуры, живым свидетельством ушедших эпох, от «рецидива», когда «вытесненные нравы старинной жизни могут измениться в новейшие формы» [Тайлор 1989, с. 29]. Важно отметить, что исследователь признает как вред, так и пользу от этого процесса для общества.

Альберт Швейцер указывает на периодические процессы возрождения в культуре и отмечает их искусственный характер. Искусственность объясняется философом бесповоротным отмиранием идей [Швейцер 1973, с. 70, 71].

Интересны некоторые замечания Р. Генона, рассматривавшего возврат к традиции в той или иной форме как единственный способ выхода из кризиса [Guénon 1964, p. 33]. Особенность и в какой-то степени противоречивость размышлений Р. Генона заключается в уверенности, что культурное развитие западной цивилизации представляет собой постепенный процесс упадка и деградации. Следовательно, возвращение к традициям – не просто тяготение ученого к консерватизму в привычном понимании этого слова, а попытка восстановления утерянного эзотерического знания, былой общественной гармонии. Такой процесс, безусловно, наделяется философом положительными чертами.

С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский в рамках ценностно-смысловой теории указывают на возможность процессов культурного возрождения как неотъемлемой части «диалога старого и нового» [Гусев, Тульчинский 1985, с. 81]. Однако предлагаемые ими тезисы не позволяют понять, что означает «определенные повороты истории», какой смысл вкладывается в понятие «установки». Главная мысль, проводимая исследователями, заключается в осознании возможности процесса «реставрации» нормативно-ценностных систем, происходящего при определенном их переосмыслении и переоценки.

И.П. Меркулов, философ, исследующий проблемы сознания, пытается обосновать стремление человека к историческому прошлому и культурному наследию, в том числе и нейрофизиологическими процессами, протекающими в коре головного мозга и на поверхности нейрона. Ученый считает, что термин «общественное сознание» не имеет право на существование, поскольку не фиксируется социологическими методами. Взамен он предлагает использовать термин «коллективное мировоззрение», которое выполняет «кроме, всего прочего, функцию стабилизации индивидуальной психики с помощью информационных антидепрессантов (бытовых и идеологических мифов, религиозно-мистических культов и т.д.)» [Меркулов 2006, с. 70]. Поскольку это мировоззрение базируется на ценности прошлого, то при всех позитивных или негативных изменениях в обществе большинство его представителей ориентировано на традиции и предрасположено к процессам культурной реставрации. Однако автор уклоняется от оценок этих процессов, не объясняет, почему в разных обществах и культурах они обладают разными характеристиками и при прочих равных исторических условиях не везде возникают. В современной отечественной гуманитарной науке осуществляется попытка провести оценку процессов культурного и этнического возрождения, поскольку, с одной стороны, «воскрешение и отбор положительных народных традиций, значимость которых освещена веками, играют огромную роль в укреплении самосознания народов», а с другой, возрождаемые традиции «могут быть совершенно неадекватны вновь возникшим обстоятельствам или модифицирующимся потребностям людей» [Карнышев 1997, с. 47].

Для нашего исследования исключительную важность имеет теория Б. Хюбнера [Хюбнер 2006]. Он не обращает внимание на характер эволюционного движения культурного смысла и на закономерности его развития, тем не менее, отчетливо выделяется возвратно-поступательная модель динамики культурного смысла. В целом, не отказываясь от эволюционной модели общественного и культурно-

го развития, ученый понимает его сложность и нелинейность. Указывая на возможность появления теоретических и практических устремлений обратить вспять процесс перехода от гетерономии к автономии, от общества закрытого смысла к обществу открытой цели, от СМЫСЛА к смыслу, исследователь имплицитно соглашается с возможностями таких поворотов в истории человечества.

Если перенести рассуждения Б. Хюбнера в область культурной семантики, то мы получаем инструмент анализа возрожденческих процессов. Речь идет о появлении культурных текстов, которые сопротивляются – или, во всяком случае, отразили желание автора сопротивляться – наступлению Общества открытой цели. Такого рода культурные тексты мы будем называть рецидивными (культурными) текстами. Если их количество будет значительным, что позволит говорить об определенной тенденции в обществе, то культура такого социума может быть обозначена как рецидивная культура, а сам социум как общество с рецидивной культурой.

Прежде всего, необходимо установить характеристики рецидивного культурного текста. Его содержание отражает тенденцию сопротивляться наступлению Общества открытой цели, которая может принимать достаточно разнообразные формы: утверждение необходимости гетерономной силы; отказ от свободы (в широком смысле этого слова); оправдание уходящего в прошлое образа жизни и, как результат, попытки его восстановления; оценка трансформирующихся традиционных институтов как кризис (иногда как катастрофа) и прочее. В зависимости от содержания, которое воплощается в конкретном культурном тексте, он может воспроизводить соответствующие формы архаики. Иногда они могут тяготеть даже к стилям и жанрам, соответствующим архаичной и традиционной культурам: миф, эпос, летопись, биография как описание жизни культурного героя, агиография и прочее.

Логика построения рецидивных текстов отражает механизм архаизации – интеллектуальное усилие элиты и/или бессознательный отклик со стороны значительной массы общества. Тексты (нельзя забывать, что речь идет о широком ряде семиотических образований) либо сознательно выступают проводником уходящей парадигмы смысла, либо имплицитно проводят апологетические идеи общества закрытого смысла.

Рецидивность текстов заключается также в том, что они не только отразили тенденции развития общества, эксплицитные или имплицитные желания и волю большинства совершить социально-культурный возврат в прошлое (архаизация), но во многом определяют и описывают механизм поворота вспять. Этим они отличаются от культурных текстов рефлексивного и аналитического характера, в которых непосредственные участники событий или исследователи высказали свои мысли и отношения к такому развитию.

В целом общество с рецидивной культурой характеризуется тенденцией производства рецидивных культурных текстов, которые становятся проводником архаичного ренессанса в качестве магистральной идеи. Одной из основных черт такого общества остается отказ признавать и рассматривать человека в качестве самостоятельного субъекта общественных процессов и явлений. Индивид лишается автономности, проводится – и даже реализуется – идея необходимости ее ограничения, при этом значительные слои общества (либо оно в целом) соглашается или молчаливо не реагирует на подобные тенденции. Как следствие, активизируются призывы делегировать часть свобод человека формальным институциональным образованиям, которые рассматриваются в качестве направляющей силы развития и индивида, и общества, и культуры: религия, идеология, власть, государство, правительство, суд, цензура, комиссии и прочее.

Таким образом, вводимые нами понятия «рецидивный культурный текст» и «общество с рецидивной культурой» выступают объяснительными категориями архаизации общественных и культурных отношений, которые были нами обнаружены

в развитии России начала XXI в.; они позволяют более глубоко описать и проанализировать процесс архаизации в обществе современной России. В качестве культурных текстов нами были рассмотрены учебники, монографическая и научно-исследовательская литература по новейшей истории России; статьи, интервью, заметки в периодической прессе; проекты документов, регулирующих функционирование отдельных социальных институтов; манифесты и документы публичных людей отечественной культуры и общественной жизни.

Архаизация российского общества конца XX и начала XXI вв.

В.П. Руднев в достаточно известной и часто цитируемой работе «Энциклопедический словарь культуры XX века» в статье «Чапаев и Пустота», посвященной анализу романа В.О. Пелевина, выявляет составные элементы кризиса современной России. Первый коллапс – кризис исторического сознания, который начинается в 1988 г. и имеет как минимум три витка в своем развитии. «Первый заключается в десакрализации официозной истории СССР: “Нам внушали то-то и то-то, теперь-то мы знаем, что все было наоборот – белые были хорошие, а красные плохие, а Сталин – то же самое, что Гитлер”. Второй виток был реакцией на первый: “Позвольте, как же так – а Эйзенштейн? а Софроницкий? а “Белое солнце пустыни”? а Тьяньнов? а Витгенштейн, который в 1935 г. стремился уехать из Англии в СССР?”. На этом витке появилось стремление если не оправдать, то как-то понять “позорное прошлое”. Третий виток, снимающий противоречие между первым и вторым, а стало быть, – мифологический: “Было не так и не иначе, мы не знаем, как было, и никогда не узнаем, логичнее всего представить, что объективно ничего не было, есть только настоящее и наши представления о так называемом прошлом, которые могут быть совершенно различными”. Этот солипсистский взгляд на историю, который еще в начале века, не отдавая себе, видимо, отчета во всей его “восточности”, высказывал Бертран Рассел, является по сути своей постмодернистским. Сигналом появления в России возможности именно такого отношения к истории явился выход пухлой книги А.Т. Фоменко, где история в целом рассматривается как цепь сплошных фальсификаций, совершаемых придворными историкографами» [Руднев 2001, с. 553–554].

Второй коллапс – онтологический, или кризис реальности – связан «со слишком быстро изменяющимися “стереотипами реальности”, которые внушаются общественному сознанию, с быстро меняющейся “картинкой мира”. Как сейчас никого в Москве не удивит видом тысячи долларов или показом голых задниц и гениталий по государственному телевидению, так вряд ли кто удивится, если ему сказать, что жизнь – это сон, или то, что он видит – это всего лишь иллюзия. Да, никто не удивляется, потому что языковые игры и речевые действия быстрее приспособляются к новой идеологии, чем к ней приспособляется сознание, которое об этом не скажет, но может отреагировать неадекватно: депрессией, агрессией или суицидом» [Руднев 2001, с. 553–554]. Рассуждения В.П. Руднева реализованы в рамках развиваемой им философии текста, но они есть попытка описать кризис в терминах текстовой реальности. Кризис порождается несовпадением реальности и ее отражения в сознании (интерпретация), в текстах культуры. Смысл увиденного, услышанного и прочитанного объясняется человеком в рамках приспособительных схем, которые он пытается выработать, чтобы совместить реальности, интерпретированную в сознании и разворачивающуюся перед глазами. Мы убеждены, что архаизация является средством преодоления этого несовпадения, стратегией примирения несовпадающих реальностей – социальной и семиотической.

О возможности возрождения в России элементов, казалось бы, уже ушедших в прошлое, говорили и говорят многие ученые. В 1997 г. Е.В. Семенов предупредил об опасности архаизации общества и культуры постсоветской России и оценил всю пагубность такого возвращения [Семенов 1997, с. 62–63]. На проблему все еще несовершенство выбора в пользу демократического развития и его окончательного оформления в российском обществе указывают и некоторые историки [Величко, Матвеева, Гриценко, Пройдина 2005].

В нашей попытке описать современный этап архаизации мы опирались на анализ учебников по новейшей истории России и периодической прессы. Они рассматриваются в качестве текстов культуры, которые отразили процесс формирования данной тенденции. Отметим, что результаты анализа совпали с некоторыми частными выводами, к которым пришли другие отечественные исследователи. Так, Е.И. Сильнова пытается обнаружить историческую преемственность «общественного строя в его социально-психологическом и ментальном аспекте» [Сильнова 2010, с. 62]. Главная цель ее исследования заключалась в том, чтобы показать совпадение социалистического учения с наиболее традиционными ментальными характеристиками русского человека. Ученый довольно убедительно показывает, что «учение о социализме подверглось влиянию традиционного для страны мировоззрения и совпало с его основными постулатами» и что «каждая из провозглашаемых советских идей непременно коррелирует с архетипически усвоенными ментальными установками» [Сильнова 2010, с. 62]. Достоинством работы Е.И. Сильновой является попытка обосновать механизм реализации такого поведения и стиля мышления в обществе. Главная их особенность заключается в том, что «смысловое ядро коллективного сознания при этом закрыто от рационализации и недоступно для содержательных определений» [Сильнова 2005, с. 64]. Это позволяет метафоризировать базовые культурные смыслы российского общества и воспроизводить их на различных отрезках истории в разных формах. Так, особенность русского (российского) пути развития подчеркивается практически на каждом этапе развития России: Москва – третий Рим; «умом Россию не понять...»; социалистический путь развития; суверенная демократия и прочее. Е.И. Сильнова приводит примеры, иллюстрирующие воспроизведение в наше время традиционных культурных смыслов, которые формировались в период феодально-сословных отношений. Ранее В.Г. Бабаков утверждал, что мессианская идея русского народа, культивируемая в Российской империи, была по-своему переработана ленинской мыслью и трансформировалась в теорию пролетарского интернационализма [Бабаков 1993, с. 4]. Джозеф Вайсс, проанализировавший материал отечественных исследователей современной прессы, показал, что произошло оживление многих признаков новояза советской культуры в посткоммунистической России [Вайсс 2000, с. 553].

Одной из главных особенностей рецидивных текстов представляется апелляция к гетерономной силе, которая призвана установить в социальных практиках доминирование коллективных форм над индивидуальными. Социальный успех современной гетерономии, даже если за ней стоят конкретный индивид или группа людей, зависит от поддержки основной массы россиян, которые высказывают одобрение или «молча» не возражают против происходящих событий. Александр Ахиезер и его коллеги считают, что противоречие между коллективом и личностью выступает традиционным для истории России противостоянием вечевого и авторитарного идеалов [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2008, с. 414], которое в конце XX в. приняло форму противостояния президента Б.Н. Ельцина и парламента.

Очевидной формой проявления архаического является мифопоэтическое мышление, которое предпочитает метафору рациональной логике. Метафоризация прошлого ведет к его упрощению, пониманию в легковесных схемах и примитивных моделях. Написанные по принципам летописи – отход от реальных фактов,

живописание языком художественной литературы, метафоризация и мифопоэтизация – монографии и даже учебники не позволяют адекватно анализировать сложившуюся ситуацию, что ведет к излишней поэтизации культуры этнического большинства, воспеванию его героического прошлого и культурного гения. Некоторые авторы, представляя историю России в таких схемах, используют стиль, приближающийся к летописному с использованием архаичной грамматики, устаревших оборотов и категорий, как это сделано в начале манифеста Н.С. Михалкова [Михалков 2010]. Автор, воскрешая категорию традиционной культуры «правда», пытается показать возможность ее функционального совмещения с формальным правом при регулировании общественных отношений. В принципе, архаичная категория «правда» выполняет до сих пор важную культурную функцию в мышлении людей. В одном из учебников по истории утверждается наличие стойкого желание россиян получать «правдивую информацию», которая ставится выше свободы слова [История России XX – начало XXI века 2006, с. 911].

Мифопоэтизация истории наделяет мифопоэтическими характеристиками исторические процессы и логику его развития, каковым является, например, антропоморфизм. С.Г. Кара-Мурза достигает данного эффекта за счет постоянного обращения к историям отдельных личностей [Кара-Мурза 2002], что производит определенный теоретический эффект, который можно обозначить как «методологическое планирование». Ученый не поднимается до уровня социально-философского обобщения, но и не опускается на уровень микросоциологии или культурной антропологии. Такая двойственность метода дает возможность использовать значительное количество социологических опросов, которые отражают отношение общества к происходящим событиям. Однако С.Г. Кара-Мурза практически не обращается к реальности событий и объективным социальным процессам; при этом сохраняется возможность для теоретического «маневрирования»: перемежая конкретные личностные истории с цифрами, которые призваны доказать полный упадок духа в общества, автор достигает практически литературного эффекта, помогающего ему представить состояния пореформенной России как полный крах и полную бесперспективность, и самое главное, чего добивается автор, – это реабилитировать социализм. Интересно отметить, что ученый утверждает наличие у своих идеологических противников такого мышления, особенности которого мешают им правильно понимать произошедшие и происходящие события (иррационализм и тоталитаризм мышления, некогерентность мышления, гипостазирование, отказ от выдвижения альтернатив, пессимизм, принижение проблем, моральный релятивизм и некоторые другие). Однако его рассуждения также могут быть приписаны указанные свойства, хотя автор и не осознает этого.

Другим примером мифопоэтического описания истории России является работа И.В. Бестужева-Лады [Бестужев-Лада 2007]. В начале монографии автор живописует повседневную культуру славян, которая выступает моделью поведения наших предков с незначительными изменениями с V в. по XX в. Идеализация этого образа жизни (хотя автор и указывает на трудности, с которыми приходилось сталкиваться) проявляется в сожалении, высказываемом Бестужевым-Ладой по поводу трансформации семьи при нарастающих темпах урбанизации; сокращение рождаемости и переход от расширенной семьи к нуклеарной рассматриваются как трагедия человечества. Эти и другие примеры ярко свидетельствуют о неспособности принять трансформационные процессы, происходящие при модернизации и глубоких изменениях аграрного общества. Подчеркнем, что данные мысли высказывает не просто обыватель, но известный исследователь, в том числе социальных процессов, имеющий определенную репутацию в отечественной науке.

Упрощенное понимание исторического процесса не дает осмыслить сложность процессов модернизации общества и социальной трансформации. В учебнике для обучающихся по специальности «История» в подразделе «Проблема

духовного развития общества» в качестве характеристики культурного кризиса указывается распад привычной «картины мира», что приводит к конфликту ценностей [История России XX – начало XXI века 2006, с. 908]. В теории Б. Хьюбнера новая общественная система (Общество открытой цели), характерная для новейшего времени, характеризуется в том числе и распадом единого мировоззрения и становлением возможностей формирования отдельных индивидуальных картин мира. Это рассматривается как положительное явление, поскольку освобождает личность от навязанной извне гетерономной силы, с чем авторы учебника явно были бы не согласны.

Определенного рода мифопоэтизация периода 2000-х гг. в истории страны характерна для значительного большинства современных научно-исследовательских текстов. В таком прочтении история современной России предстает в качестве мифа, связанного с правременем, эпохой первотворений и установлением космоса. Личность второго президента России выступает персонализацией гетерономной силы, по которой тоскует значительная часть общества. Как и в мифе, время хаоса сменяется периодом стабильности и покоя, установлением космического порядка вещей, что связывается с периодом президентства В.В. Путина, который тем самым походит на культурного героя, давшего людям долгожданное умиротворение. Его личность поэтизируется, описания его жизни все чаще напоминают героизацию и воспевание, характерные для советского периода [Чернова 2003]. Еще более красноречивы статьи в периодической прессе и интернете, где поклонники режима, которые также могут быть рассмотрены как апологеты общества закрытого смысла, описывают «национального лидера» только в превосходной степени: «Противников путинского курса больше нет, а если и есть, то это психически больные и их нужно отправить на диспансеризацию, – утверждает А.Г. Дугин. – Путин – везде, Путин – все, Путин абсолютен, Путин незаменим» [Дугин 2011]. Другой автор утверждает: «Путин, как отец. А к отцу претензий предъявлять нельзя» [Соколов 2010].

Данные тенденции отмечаются практически во всех проанализированных нами учебниках истории для ВУЗов. В книге И.В. Бестужева-Лады это ярко отражено в одной фразе: «Если не считать семи лет НЭПа (1921–1929 гг.), никогда еще Россия за всю свою 1250-летнюю историю не была так сравнительно благополучна как в первые годы XXI века» [Бестужев-Лада 2007, с. 259].

Прежде всего, в рецидивных текстах проводится идея отказа от либерализма, демократии и соответствующих свобод, что фиксируется, например, в названиях статей («Либералов – к стенке!») [Дугин 2009]. Человеку отказывают в способности самостоятельно решать свою судьбу и оказывать влияние на судьбу своей страны; его воля должна быть делегирована гетерономной силе, в качестве которой чаще выступает государство и власть; сама государственность и исторические процессы рассматриваются как нечто постороннее по отношению к обществу и людям, его образующим. Из рассуждений И.В. Бестужева-Лады следует, что зло – социальные бедствия, неурядицы в экономике, деградация культурных ценностей и прочее – в России явление, привнесенное извне. Автор отказывается анализировать проблемы общества в тесной взаимосвязи с проблемами самого российского социума и рассматривать его в качестве источника собственных бед, а российский народ – в качестве сознательных социальных акторов. В манифесте Н.С. Михалкова это представлено разделением на физических, юридических лиц и российский народ: «Частная собственность должна не только увеличивать доходы физических и юридических лиц, но и улучшать благосостояние российского народа» [Михалков 2010].

Отказ от рассмотрения человека в качестве автономного и самостоятельно-го субъекта проявляется и в критике введения основных элементов Общества открытой цели со стороны защитников общества закрытого смысла: «В обществе,

которое нужно России, не должно быть представительской демократии, не должно быть рыночного общества, основанного на денежном эквиваленте всех ценностей, и не должно быть идиотской, противоестественной, извращенческой идеологии прав человека. Рынок, демократия и права человека – пошли вон!» [Дугин 2009].

Интересным представляется поворот, произошедший в сознании тех, кто изначально в конце 1980-х и начале 1990-х гг. ратовал за перемены, активно способствовал переходу от гетерономии к автономии. И.И. Демидов, известный журналист и ведущий популярной музыкальной программы в начале 1990-х гг., рисует примерную траекторию такого поворота вспять. Он говорит о ситуации растерянности, потерянности и, наконец, обретении устойчивости именно в *гетерономных инстанциях (институтах)*: «Все искали какие-то смыслы в ощущениях, в литературе, в Церкви... я понимал, что мне и моему кругу друзей не хватает своего идеолога... Я всегда понимал, на каждом очередном витке, что мне не хватает некоего человека, идеологии, которая бы разъясняла основные моменты» [Демидов 2007]. Те, кто вчера еще являлся апологетом Общества открытой цели, сегодня превратился в сторонника институтов и идеологии общества закрытого смысла. Остается только спросить: уверены ли они, что после сотворения и реализации очередного проекта, их не постигнет снова разочарование в содеянном?

В такой ситуации нарушение конституции уже не рассматривается как трагедия. Отказ В.В. Путина баллотироваться на третий срок подается как «знаковое событие», а возникновение данной идеи объясняется настоящим призывом большей части «гражданского общества» [Якушев 2009, с. 355]. Переход к новой системе формирования региональной власти – назначение, а не избрание глав регионов – воспринимается как положительное событие в истории современной России: «укрощение своевольных губернаторов» [Шестаков 2008, с. 465], логическое завершение начатого ранее формирования единой «вертикали» власти [Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века 2008, с. 518] и т.д.; президент рассматривается как сплачивающее общество личностный символ [Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века 2008, с. 484]. Настораживает такого рода символизация, что напрямую связано с мифологическим (мифопоэтическим) восприятием действительности. Это позволяет ассоциировать личность и власть, трансформировать сухие формально-юридические отношения в обществе в личностно оформленные, персонализированные формы управления. Средствами мифопоэтизации происходит осмысление действий первого лица страны, уход которого со сцены власти рассматривается как трагедия. Это прямо указывает на формирование не просто авторитаризма, но готовности общества его принимать, что ведет к окончательному утверждению власти коллектива над индивидом, который в данном случае добровольно слагает с себя ответственность за происходящее.

О том же говорят исследования Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина. На основе анализа социологических опросов они утверждают, что в сознании большинства россиян формировался образ «сверхвластителя», стоящего не на вершине власти, а над властью [Гудков, Дубин 2007, с. 8–63]. В единственном обнаруженном нами источнике, где напрямую говорится о формировании государственности и авторитаризма в современной России, фактическая бесконтрольность президентской власти сравнивается с самодержавием, и делается намек на возрождение его принципов [Анисимов 2007, с. 540].

Признается факт, что В.В. Путиным в период первой предвыборной борьбы был продемонстрирован просвещенный авторитаризм, соответствующий «общественно-историческому запросу большинства россиян» [Кузнецов 2008, с. 526]. Это подтверждает тезис, что сформированные и описываемые в исследовании тенденции есть не воля отдельной личности, но общественные силы, определяемые импульсами, идущими из самого общества. Подкрепить данную мысль

можно идеями А. Ахиезера, уверенного, что к концу президентства Ельцина российское общество было готово «делегировать властные полномочия одному человеку и даже соглашаться на их расширение» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2008, с. 417]. В.В. Путин признавал эту тенденцию в качестве объективного факта еще в 1999 г. в статье «Россия на рубеже тысячелетий». В ней же он выводит наиболее известную формулу политического поведения современной власти: «Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее» [Путин 1999].

Все вышеперечисленные факты, по нашему мнению, указывают на очередную возможность утверждения патерналистской модели поведения во всех сферах общественного бытия через установления власти коллектива над личностью в форме авторитарного правления (конституционно-выборное самодержавие, по терминологии А. Ахиезера). Подобную тенденцию развития общественного сознания зафиксировали также другие исследователи: в частности, анализ метафорической картины мира позволил констатировать «заметную долю» монархической метафоры [Будаев 2009, с. 141].

Гетерономизация власти в качестве силы, необходимой для общества и, следовательно, позитивной, обязывает оправдывать негативные результаты ряда принятых решений и реализованных политических мер. Вина за ошибки обычно возлагается на такие же гетерономные силы, но уже наделенные отрицательными качествами, и их источник обычно обнаруживается вне пределов России. В исследованных нами культурных текстах отмечается наличие точки зрения, характерной, скорее, для архаического мышления, когда мир рассматривается с позиций бинарной оппозиции «свой–чужой». Во всех учебниках по современной истории России, т.е. «свой мир», оказывается окруженной враждебным миром, чужаками – «чужим миром». Изложение фактов конца 90-х гг. XX в. построено так, что Россия предстает преданной практически всеми, кому она поверила – Европой, Америкой, бывшими странами социалистического лагеря и Советского Союза.

На уровне обыденного сознания подобная бинаризация только усиливается, обретая форму открытого шовинизма и национализма. Авторы текстов делают все возможное, чтобы снизить (унизить) значимость культурного опыта «чужого». Особенно безнравственными выглядят такого рода ухищрения в ситуациях, когда у «чужого» происходит трагедия. После событий, произошедшей в Японии весной 2011 г. (наложение катастроф природных на техногенные), в «Российской газете» (официальном печатном органе правительства России) была опубликована статья «Остров потрясения». Создается впечатление, что одна из задач статьи заключалась в дискредитации событий и отвращении читателей от желания сочувствовать. Прежде всего, японцы были представлены как люди, не умеющие сопереживать: «Когда четверть века назад случилась катастрофа в Чернобыле, то некоторые японские газеты не без злорадства писали: ну, конечно, это же случилось у бестолковых русских, у нас же такого произойти не может» [Снегирев 2011, с. 26]. «Чужой» предстает в негативном свете, ему приписываются отрицательные качества или подчеркивается отсутствие положительных: «вопреки распространенному мнению, мало кто из японцев знает английский»; «Терасима-сан, похоже, несильно обрадовался моему телефонному звонку». «Чужой» иногда достигает тотальной инаковости: «Немножко инопланетяне». Несмотря на то, что автор в целом пытается понять и пережить трагедию вместе с японцами, у него это плохо получается.

Мифопоэтическое мировоззрение функционально опирается на магию как способ взаимодействия человека и мира. Хотя магия не всегда является положительно воспринимаемой практикой даже в традиционном обществе, ее механизм напрямую вытекает из мифопоэтических представлений о синкретизме формы вещей и их сущностей. Следовательно, человек через форму (изображение, куклу человека, слово, действие и т.д.) вмешивается и управляет содержанием (здоровьем,

телом, судьбой, цепью событий, погодой и т.д.). В последнее время магические (или подобные магическим) практики реализуются как способ управления явлениями. Может возникнуть возражение, что это примитивная аналогия, в лучшем случае, притянутая за уши метафора. Тем не менее, возникла ярко проявленная тенденция воздействия на явления через их (пере)именование, что практически повторяет или уподобляется магическим практикам архаических культур, и речь идет не только о самых «громких» переименованиях «милиции» в «полицию», объединениях регионов при смене их формальных статусов (из областей в края). Например, в начале мая 2011 г. в силу вступил закон, запрещающий использовать словосочетание «судебный пристав» в наименовании всех и всяких организаций и должностей, кроме соответствующего ведомства. По мысли властей это должно избавить общество от возможных злоупотреблений со стороны органов, имеющих в своем названии данное словосочетание. Возникает ощущение стойкой тенденции доминирования в сознании большинства текстовой реальности над объективной, где слово, или вообще форма, наделяется способностью замещать сущность. Следовательно, распространенными стали практики не просто переименования, «заколдовывания» словом, но и практики формоуправляющего способа взаимодействия с действительностью. Примерами выступают и формальные подмены в лексике (передовой опыт – инновационный опыт; знания, умения, навыки – компетенции), и попытка укрупнения регионов и часовых поясов. В реальности это приводит лишь к пустым, ничего не значащим подменам, увеличению формальной, бумажной деятельности.

Такого рода событием грозит обернуться и введение стандартов образования нового поколения. Задуманное как способ преодоления падения качества отечественного образования это мероприятие обернулось внедрением ряда формальностей: формальное переименование терминологии, изменение названия отдельных предметов и циклов, введение нового метода расчета часов и прочее. При этом учебные планы даже структурно сохранили прежнюю форму.

К этим примерам проявления архаики можно отнести попытки административно запретить интерпретацию истории России через принятие закона и создание комиссии. Заметим, что это пример подмены объективной действительности текстовой реальностью (которая, в принципе, существует только через интерпретацию). М. Рыклин высказал следующую идею по поводу осмысления Второй мировой войны: «Только ее “расколдовывание” сделает войну событием, относящимся к историческому, а не “вечному” времени» [Рыклин 2000, с. 815]. В какой-то степени это очередная попытка передать функции рефлексии по поводу собственной культуры и ее истории от отдельного индивида коллективному разуму (гетерономной воли). Следствием такого подхода к пониманию собственной истории является сакрализация и ритуализация определенных событий прошлого, отказ в возможности их пересмотра, их меморализация в форме коллективных обрядов, которые по масштабам и размаху напоминают советские военные парады, как это случилось с празднованием 65-летия Победы, когда в одно время в 36 городах страны с большим размахом прошли военные парады.

Описываемые события порождают иллюзию бурно происходящих изменений, которые реализуется только на бумаге и в головах администраторов и менеджеров. В реальности изменения, в лучшем случае, не происходят, в худшем – актуализируются архаичные неэффективные формы социальных и культурных отношений и практик.

Другим важным фактором, поддерживающим формирование архаической стратегии преодоления культурного кризиса, является становление религиозной культуры в качестве одного из важнейших фундаментов общества. Процесс сакрализации общества в конце 1980-х и начале 1990-х гг. происходил лавинообразно: в 1988 г. зарегистрировано 176 православных объединений, в 1989 г. – 460,

в начале 1990 г. зафиксировано 3 120 православных прихода [Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века 2008, с. 512], и данная тенденция со временем только усиливается: в 1992 г. было зарегистрировано 4 846 религиозных общин, в 2004 г. – 20 853 (в 4,3 раза больше), из них 11 525 православных [Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века 2008, с. 514]. Также отмечается интенсивный рост численности мусульманских приходов.

Нарастание влияния религии и церкви на жизнь общества отмечается во все более тесном взаимодействии Русской православной церкви и ряда «силовых» министерств – МВД, МО, МЧС, Минюста, что опять же рассматривается положительно [Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века 2008, с. 513]. На православную церковь смотрят как на институт, способный поддержать стабильность в обществе и моральные ценности, связанные с традициями русской культуры. Примерами растущего влияния религии на жизнь россиян являются введение ряда курсов («Основы и ценности православия», «Основы православной культуры», «Основы православной культуры и нравственности», «История Церкви») в общеобразовательной школе более двадцати регионов России, инициация бывшим президентом России Д.А. Медведевым вопроса о введении в Вооруженных Силах РФ института армейских и флотских священнослужителей, присутствие ведущих политиков на важнейших религиозных праздниках. В целом факт увеличивающегося взаимодействия и, в какой-то степени, влияния церкви на политику был отмечен некоторыми СМИ, в связи с чем официальным представителем Русской Православной Церкви пришлось давать соответствующие разъяснения [Лейгода 2011]. Рост влияния религии на обыденное сознание отразился в содержании материалов, публикуемых в периодической печати: так, в «Российской газете» существует постоянная рубрика, посвященная ответу на вопросы читателей, рассказывающих о своих жизненных проблемах. Ведущая рубрики М. Городова в религиозном духе дает советы, отвечает на вопросы.

Церковные иерархи часто высказываются по насущным социальным и политическим проблем, их мнение учитывается и рассматривается как весомое. Примечательна статья в «Российской газете» «Не по-божески», в которой патриарх Кирилл высказывается по поводу росту тарифов на жилье [Не по-божески 2011, с. 2]. Сами церковные иерархи, несмотря на принятое решение не участвовать в выборах на всех уровнях власти, сохраняют за собой право «давать нравственную оценку политическим программам и заявлениям, особенно тогда, когда речь идет об открытой или скрытой пропаганде безбожия, нравственного релятивизма, пересмотра традиционных нравственных норм в личной, семейной или общественной жизни, о пропаганде греха, о нанесении ущерба историческим или культурным памятникам, о деградации или разрушении окружающей среды, о духовном или физическом здоровье людей, о воспитании подрастающего поколения, о заботе о бедных, больных, престарелых, одиноких и страждущих людях» [Проект документа «Практика...» 2010]. Отношение церкви к происходящим событиям в обществе не является пассивным, она готова вмешиваться в вопросы, в том числе те, которые могут относиться к проблемам свободы совести и свободы творчества. Это отчетливо демонстрируется на примере проекта документа «Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в отношении Церкви» [Проект документа «Отношение...» 2010]. Поскольку богохульство и клевета не являются формализованными юридическими понятиями и имеют расплывчатое правовое значение, то они приложимы к значительному числу общественных и культурных явлений. В реальности же это может подтолкнуть к очередному столкновению между сторонниками роста влияния религии в обществе и его противниками, как это уже случалось в недавнем прошлом.

Безусловно, религия может выполнять определенную позитивную роль в общественном регулировании и культурной жизни социума. Однако в данном случае

речь идет о сакрализации ценностей традиционной культуры, которые предполагается положить в основании социальных отношений, что может выступить препятствием на пути модернизации. А. Ахиезер в исследованиях показал бесполезность и принципиальную невозможность реставрации православной идентичности, которая не может выполнять культурно- или цивилизационнообразующую роль [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2008, с. 418].

А.И. Адамский наглядно демонстрирует противоречивость складывающейся ситуации: с одной стороны, общество неоднозначно реагирует на планы правительства выделить 4 млрд руб. на развитие нанотехнологий, одного из наиболее перспективных путей развития науки. С другой, оно довольно спокойно встречает введение преподавания православной религии в качестве обязательного предмета в нескольких регионах страны. А.И. Адамский с удивлением задается вопросом: «Как соединить две новости, две тенденции: бесовщину, приписываемую перспективному научному направлению, и законодательное закрепление религиозного формирования ребенка в отдельно взятом регионе?» [Адамский 2006, с. 1].

Обращение к религии в качестве источника гетерономной силы проявляется не только в укреплении положения основных мировых религий в России. Исследователями, в том числе и зарубежными, отмечается стойкий интерес россиян к оккультным и эзотерическим учениям. Более того, Б. Мензель отмечает, что это не просто явление поп-культуры или реакция общества, которое долгое время считалось атеистическим. Интерес к эзотерике и оккультизму проявляется на всех уровнях общества, в том числе в политической и научной сферах [Menzel 2007].

Историки говорят о явлении «размытой» религиозности [Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века, с. 516]. С одной стороны, люди готовы причислить себя к одной из религиозных конфессий, с другой, их вера носит избирательный характер, эклектична, переплетена с суевериями, доставшимися в наследство от языческого прошлого, обрывочными научными знаниями и псевдонаучными фактами. В целом, это не способствует становлению четкой мировоззренческой картины мира (даже религиозной), а, следовательно, ведет к отсутствию прочных ценностных основ личности, на формирование которых, прежде всего, уповают сторонники дальнейшего процесса сакрализации общества. «Российская газета» может служить примером эклектичности современных представлений, поскольку в одном номере сосуществуют изложения произошедших событий, их оценка со стороны политиков и публичных личностей, рассказы о фактах с научной точки зрения, религиозноориентированная рубрика и астрологический гороскоп на предпоследней странице.

О роли астрологических прогнозов, занявших заметное место в повседневной культуре современных россиян, стоит сказать отдельно. Сегодня астрологический прогноз можно обнаружить практически в любых средствах массовой информации: радио, газеты, телевидение, интернет. Это указывает на его востребованность и необходимость постоянного оперативного обновления, что может свидетельствовать только об одном – современный россиянин прислушивается к содержанию гороскопа, возможно, ориентируется на советы и осуществляет поведение, которое им предписывается. По сути, гороскоп – один из видов гадательных практик, который выиграл конкуренцию с другими практиками в повседневной культуре, но не вытеснил их совсем. Речь идет о спросе со стороны россиян на гетерономные силы, которые бы выступали легитимирующими инстанциями того или иного поведения, на которые бы можно было переложить ответственность за выработанные, принятые и реализованные решения.

Анализ современной прессы показывает, что процессы воскрешения советской культуры осознаются, и в какой-то степени осуществляются попытки их

осмысления. Примером могут служить статьи, вышедшие практически с идентичным названием с разницей в один год в двух крупнейших газетах России: первая статья под заголовком «СССР возвращается?» вышла в газете «Комсомольская правда» (тираж более 2,7 млн экземпляров). Авторы считают, что в России наметились определенные признаки советского «ренессанса»; они отмечают наличие разных примет, которые все больше напоминают, казалось бы, безвозвратно ушедшее советское прошлое, причем такие приметы фиксируются на различных уровнях культуры: «Сначала в России запели бывший советский гимн на новый лад. Старую песню о главном. Потом к нам пришла “Единая Россия”, партия власти, напомнившая КПСС. Следом нарисовался “новый комсомол” – “Идущие вместе”, “Наши”, “Молодая гвардия”. На Красной площади снова входят в моду парады и всенародные гулянья.... И надпись “Ленин” на Мавзолее в большие государственные праздники уже не занавешивают трехцветным полотном и не маскируют хвоей, как это было в ельцинскую эпоху... На новом знамени Вооруженных Сил России (оно, кстати, красного цвета) появилась пятиконечная звезда... Новостные телепередачи стали строгими, а ведущая Первого канала Катя Андреева в наглухо застегнутых, несколько старомодных блузках, стала напоминать советского диктора Анну Шатилову... На канале “Культура” (...) все чаще показывают “старое доброе советское кино”. Большие чиновники, которые в ельцинские времена деловито пожимали друг другу руки при встрече, вдруг стали самозабвенно, от всей души, как при Брежнев, целоваться. И награждаться: ордена, титулы, звания снова в почете. А еще чиновники начали подражать главному начальнику, как это всегда было принято у советской номенклатуры» [Кафтан, Гамов 2007, с. 4]. Здесь же перечисляются примеры возвращение в повседневную жизнь некоторых предметов и символов советской эпохи (кеды, спортивные кофты на молнии с лампасами на рукаве, майки «алкоголиков», надпись «СССР» и прочее). В статье приводятся мнения людей, представляющих разные сферы общества, которые излагают свое мнение по этому поводу. С. Марков, директор Института политических исследований, считает, что это тоска по большому стилю, которую необходимо воспринимать как культурный факт. А. Проханов, главный редактор газеты «Завтра», уверен, что это тоска по империи, которая спровоцирована наличием враждебного окружения и необходимостью России сохраниться от распада. С. Радкевич, руководитель департамента аналитики группы компаний «Никколо М», обнаруживает в этих тенденциях негативные последствия, дополняет рядом своих примеров, указывает на определенные закономерности в российской истории, но отказывается от каких-либо определенных выводов. М. Леонтьев, экономист, ведущий передачи «Однако», не видит ничего особенного в указанных процессах, считает их нормальными. А. Инин, писатель-сатирик, прямо заявляет, что мечтает проснуться в СССР.

Вторая статья под заголовком «Back in USSR» вышла в газете «Российская газета» (официальный печатный орган Правительства Российской Федерации, тираж около 3,5 млн экземпляров) [Новоселова 2008, с. 11]. В отличие от первой эта статья написана в более спокойном стиле, и ее автор проводит мысль о существовании моды на советское прошлое, о наличии спроса на винтажные советские вещи, символику и «тотемы». В качестве мнений приводятся рассуждения людей о том, что им напоминает Советский Союз. В целом советский ренессанс не вызывает сомнений, но какого-либо анализа по этому поводу не предлагается.

Это позволяет нам констатировать, что советское прошлое, хотя и недавнее, может быть рассмотрено в качестве источника архаизации, поскольку оно не просто выступило передатчиком традиционной мифологии и древнего символизма, но и само имеет тенденцию превратиться в миф о потерянном рае, «золотом веке».

Изобретенная архаика в культуре России конца XX и начала XXI вв.

Отдельно следует упомянуть о таком явлении, которое было обозначено нами как изобретенная архаика. Речь идет о случаях намеренного удревления истории отечественной культуры за счет фальсификации фактов или их реинтерпретации в определенном контексте.

В советской и современной России примерами изобретенной архаики можно считать утверждения первенства отечественных исследователей в области научных открытий и изобретений различных приспособлений. Данные факты могут быть исторически достоверными, но различные дискурсы привлекают их для строительства или доказательства определенных теорий, которые по своей сути могут быть ложными. Главная их цель – доказательство изначальности и право «прародителей» на какие-либо идеи или предметы, что ставит культуру в целом в привилегированное положение. Исследователи показали, что даже сталинская идеология специально культивировала иллюзию о совершении большинства исследовательских достижений в пределах Российской империи [Смирнов 2000, с. 21].

Необходимость веры в то, что весь (или практически весь) мир вокруг изобретен или сотворен при непосредственном участии соплеменников, восходит к первобытным временам, к архаическим и традиционным культурам, в которых «свое» воспринимается как нормативное, правильное и полезное. «Свое» чаще воспринимается как стабильное, «чужое» – как переходное. Наличие этого ощущения сегодня говорит о «незрелости» культуры и отдельных ее представителей, незавершившемся переходе на качественно новый уровень становления. Отсутствие постоянной адекватной рефлексии по поводу поступков в отношении «чужого», «несвоего», «другого» указывает на присутствие значительного пласта традиционной культуры, выступающей главным источником социального воображаемого.

На современном этапе развития общества изобретенная архаика используется все возможные средства для легитимации, и современные генеалогические и этиологические мифы зачастую производятся в научной сфере. Ученые, пользуясь всевозможными средствами установления собственного научного авторитета, тем самым пытаются упрочить и свои теории. Исследователи прибегают к различным способам их обоснования: к традиционным относится издание монографий, статей, тезисов. Весьма эффективным является цитирование, которое становится измеряемым и важным при учете степени влияния ученого и его теории (индекс цитирования); цитирование авторитетного исследователя или ссылка на теорию, которая, как нам кажется, позволяет подтвердить достоверность собственных идей, является средством пропаганды и укоренения этой теории; становится распространенным приведение прямых цитат или пересказ концепций без должного анализа, что делает изложение материала некритичным, создает иллюзию согласия с тем, что воспроизводится. К тому же периодичность цитирования позволяет оживлять забываемые теории, актуализировать их научную составляющую и скрывать мифологическую.

Сегодня ученые полагают и информационными технологиями: традиционные ежедневные и еженедельные газеты, озабоченные повышением рейтингов и тиража, готовы к изданию информации, иллюстрирующей самые эпатажные и необычные теории. Поскольку главная цель – в привлечении внимания читателей, то редакторы мало заботятся в достоверности излагаемых теорий, упрощая аргументацию, делая доступным изложение материала. Многие исследователи имеют собственные сайты, где размещаются работы, высказываются мнения, предоставляется право выражения суждений посетителям. Более того, на современном этапе развития российской культуры мы столкнулись с явлением пропаганды идей средствами телевидения, оформленных языком сатиры и юмора, что соответствует

переводу информации с одного языка культуры на другой. Смена стилистического уровня сделала научную теорию более доступной для понимания и ретрансляции на другие уровни общества.

Проанализируем конкретные примеры. В 90-х гг. XX в. Н.Н. Вашкевич развивает теорию, согласно которой деятельность мозга организуется системными языками, каковыми, по мнению исследователя, являются русский и арабский. Они образуют половинки бинарного ядра и соответствуют деятельности левого и правого полушария мозга. Все остальные языки являются проекциями ядра на оболочку и, следовательно, производны. Н.Н. Вашкевич уточняет, что речь идет именно о языках, возникших примерно 7,5–8 тыс. лет назад, а не этносах; поскольку русские и арабы появились значительно позже, носителями языков изначально были другие народы. Здесь явно прослеживается попытка удревления истории через генезис языка. Косвенным подтверждением является время появления и развития идей, приходящееся на период обострения кризиса российского сознания.

Исследователь имеет значительный опыт переводческой и преподавательской деятельности, в том числе и за границей, является кандидатом филологических наук, что придает ему определенный вес в науке, и данная теория была изложена в ряде книг, которые переиздавались. Некоторые работы также доступны для скачивания на интернет-сайтах. В поисковой странице Яндекс.ру на запрос «Н.Н. Вашкевич» нашлось 9 806 страниц, которые являются ссылками на различные сайты, излагающие данную теорию. Существует также личный сайт <http://nnvashkevich.parod.ru/>, где излагается теория, и предлагаются книги и материалы для скачивания. Нами также была обнаружена статья в Википедии.ру, рассказывающая о биографии и научном творчестве Н.Н. Вашкевича. Напомним, что Википедия является свободной энциклопедией, разработанной наподобие социальных сетей, доступ к которой имеет любой желающий, в том числе и для правки представленного там материала.

Впервые теория Н.Н. Вашкевича была обнаружена нами в книге В.Д. Шинкаренко «Смысловые структуры социокультурного пространства». Автор данной работы, как заявляется в аннотации, является докторантом Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН). Теория Вашкевича излагается в разделе «1.1. Современные исследования мифа» в подразделе «Структуралистские и семиотические исследования мифа» [Шинкаренко 2009, с. 74–76], где также воспроизводятся концепции классиков гуманитарной мысли К. Леви-Строса, Р. Барта, Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского. При этом В.Д. Шинкаренко не предлагает какого-либо критического анализа теории: из его выводов малопонятно, соглашается ли он с ней, с отдельными ее положениями или отвергает. В целом, происходит своего рода пропаганда идей, где постановка имени автора в один ряд с признанными учеными легитимирует абсурдную теорию.

Но, пожалуй, наибольшую известность получила теория В.А. Чудинова. Особенность ее пропаганды заключается в том, что во многом данная концепция, кроме тех же средств современной коммуникации, указанных выше, была популяризирована сатириком М.Н. Задорновым: опубликованное в двух номерах «Комсомольской правды» (29 января – 5 февраля и 5–12 февраля 2009 г.) интервью с В.А. Чудиновым сопровождалось комментариями М.Н. Задорнова [Задорнов 2009, с. 6]. Специфика такой пропаганды обусловлена сменой стилистики, переходом от научного стиля изложения теории к разговорному, что обеспечивало ей большую аудиторию, значительно расширяло ее социальную базу. Артист, используя систему и технологии шоу-бизнеса, обеспечил быстрое и эффективное внедрение концепции в общественное сознание: концертные выступления, выступления на телевидении, издание книг, участие в программах и шоу. Также полемика по поводу данной теории была проведена в программе А. Гордона «Гордон Кихот» (19 сентября 2008 г.).

Радикальность позиции В.А. Чудинова заключается в утверждении, что русская культуры появляется в период существования кроманьонца: «Журналист: Значит, кроманьонцы были русскими? Чудинов: Выходит, что так». Это позволяет утверждать производность всех существующих культур от русской. М.Н. Задорнов подчеркивает: «Русские слова – они от природы!» [Кузина 2009, с. 6]. Сам автор теории четко обозначает свою попытку увеличить количество веков официальной российской истории: «Из года в год, медленно, но монотонно, количество людей, продолжающих ссылаться на мои работы, возрастает. Не потому, что я обладаю каким-то особым обаянием, и не потому, что я улучшаю людям здоровье, снимаю стрессы и предохраняю от порчи. Нет у меня никаких утилитарных целей. Просто я показываю, что история Руси была вовсе не такой короткой, какой ее нам преподнесли прежние поколения ученых; имеются веские доказательства того, что наши предки и жили давно, и имели очень высокий уровень цивилизации» [<http://chudinov.ru/page/4/>].

Показателен факт, что Н.Н. Вашкевич и В.А. Чудинов не являются одиночками в своих попытках удревления истории: сегодня существует целый ряд мыслителей, теории которых отличаются не только разнообразием средств фальсификации (хотя зачастую их поиски располагаются в пространстве языка), но и ее объектами, к которым относятся, кроме русской культуры, культуры этнических меньшинств России.

На сайте <http://lingvofreaks.narod.ru/> можно найти описания подобных теорий. Неравнодушные ученые собирают теории и концепции, которые занимаются разнообразными формами псевдонаучного объяснения происхождения родного языка и культуры. Общим для них является попытка установления факта, доказывающего происхождение остальных языков и культур от собственной или родство собственной культуры с древними (иногда мифологическими). На начало 2011 г. нами было насчитано 56 теорий; данная цифра не охватывает отдельных авторов и их работы, написанные в псевдоархаическом духе, но не доведенные до уровня теории. Характер комментариев оставленных на сайте свидетельствует о наличии людей, не связанных с наукой, но готовых воспринимать и защищать подобные концепции. Их не смущают фантастичность и легковесность приводимых рассуждений, абсурдность и нелогичность построений, этноцентричность (в некоторых случаях доходящая до откровенного национализма) аргументов. Более того, комментарии свидетельствуют, что читателей как раз и привлекает апологетика русского языка в качестве исторически первичного и русской культуры в качестве колыбели других культур. Псевдоархаические теории востребованы, поскольку они проводят достаточно простую идею: «Мы – лучшие!».

Формирование явления изобретенной архаики обусловлено во многом деформацией этнокультурной идентичности, что подтверждается наличием сходных примеров в других странах бывшего СССР. Так, О. Чайченко утверждает существование укров-ариев или протоукров, которые относятся им к пеласго-этруским племенам и являются создателями «Ригведы». Другой украинец В.С. Пилат уверен, что Украина была колыбелью человеческой цивилизации. Интересно, что появление данного термина «протоукров» относится к работе Тадеуша Чацкого, изданной в 1843 г. [Казиник 2007, с. 144–145]. Таким образом, ссылки на данный труд выступают зачастую способом показать длительную историю и научную обоснованность сомнительного понятия.

Можно констатировать, что современная Россия проявляет стойкую тенденцию к возрождению культурных смыслов, которые кодируются согласно правилам ушедших языков культуры. Все это ведет к формированию стратегий поведения, которые опираются в значительной мере на архаичные пласты бессознательного, что проявляется в воскрешение мифопоэтических способов осмысления действительности, реализации социальных и культурных практик, напоминающих маги-

ческие формы влияния на происходящее. К отмеченным фактам можно отнести ряд событий, которые могут быть охарактеризованы в логике архаизации: проведение парада в честь празднования в одно время и в нескольких городах; попытка запрещения «исправления» истории на законодательном уровне; формирование позитивного образа советского прошлого в средствах массовой информации; актуализация некритичных, нерациональных, эмоциональных форм осмысления прошлого в научной и учебной литературе и прочее.

Изобретенная архаика обнаруживается и в современном российском научном дискурсе. Ее основная цель – показать значительную древность русской культуры (или иных культур, находящихся на территории России), при этом используются различные способы удревления культуры: через язык, путем установления сопричастности к древним, чаще всего мифологическим, событиям, через выстраивание разнообразных генеалогий, через прямую фальсификацию фактов истории. Субъекты этой стратегии эксплуатируют разнообразные средства массовой коммуникации и технологии информационного общества, достижения и традиции научного сообщества, методы и приемы шоу-бизнеса.

Литература

- Адамский А.И. (2006) Нанотехнологии православного формирования личности // Вести образования. № 17 (65).
- Анисимов Е.В. (2007) История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. СПб.: Питер.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. (2008) История России: конец или начало? М.: Новое издательство.
- Бабаков В.Г. (1993) Кризисные этносы. М.: ИФ РАН.
- Бестужев-Лада И.В. (2007) Моя богоданная Россия. Очерк истории восьми диктатур (862 – 2000 – 20??). М.: Институт экономических стратегий.
- Будаев Э.В. (2009) Имидж современной России: новообразования в метафорической картине мира // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: Материалы II Международной научной конференции. Часть I. / Науч. ред. Р.К. Боженкова. Курс.
- Вайсс Д. (2000) «Новояз» как историческое явление // Соцреалистический канон. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект.
- Величко В.В., Матвеева Н.Л., Гриценко В.А., Пройдина В.П. (2005) Россия в геополитической ситуации XX–XXI веков. М.: Издательство МГОУ.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма: Очерки (2007). Под ред. М. Липман и А. Рябова. М.: Издательство Р. Элинина.
- Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. (1985) Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат.
- Демидов И.И. Русскому народу необходимо поставить себе цель // Дни.ру – российская электронная газета. 4 ноября 2007. Режим доступа: <http://www.evrazia.org/article.php?id=164> (дата обращения 06.05.2011).
- Дугин А.Г. (2009) Либералов – к стенке! // Аргументы и факты. 27 мая 2009. Электронный режим доступа: <http://www.aif.ru/society/article/27058>.
- Дугин А.Г. Народ за все спросит. Александр Дугин отвечает на вопросы и провокации блоггеров-берлогеров // Режим доступа: <http://www.rossia3.ru/politics/russia/berloga> (дата обращения 06.05.2011).
- Задорнов М.Н. (2009) Бизнес – от слова «без носа»! // Комсомольская правда 29 января – 5 февраля.

- История России XX–начало XXI века (2006). Под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо.
- Казиник М. (2007) Пятиминутный путеводитель по... боевому гопаку // *Esquire*. № 27.
- Кара-Мурза С.Г. (2002) Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: Алгоритм.
- Карнышев А.Д. (1997) Межэтнические взаимодействия в Бурятии: социальная психология, история, политика. Улан-Удэ: Издательство БГУ.
- Кафтан Л., Гамов А. (2007) СССР возвращается? // *Комсомольская правда*. № 11.
- Кузина С. (2009) Вначале было слова. Русское слово // *Комсомольская правда*. 29 января – 5 февраля.
- Кузнецов И.Н. (2008) Отечественная история. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко».
- Лейгода В.Р. (2011) Церковь влияет не на политическую борьбу, а на совесть людей во власти // *Интерфакс – Религия*. 15 марта 2011 г. // <http://www.patriarchia.ru>
- Меркулов И.П. (2006) Эволюционирует ли человеческое сознание? // *Философские науки*. Вып. 12: Феномен сознания. М.: ИФ РАН.
- Михалков Н.С. (2010) Манифест просвещенного консерватизма // <http://www.proektrussia.ru/manifest-prosveshchennogo-konservatizma.-n.-michalkov.html> – дата обращения 20 марта 2011 г.
- Не по-божески (2011) // *Российская газета*. № 45.
- Новейшая отечественная история. XX–начало XXI века (2008). Кн. 2. / Под ред. Э.М. Щагина. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
- Новоселова Е. (2008) Почему мы испытываем ностальгию по советской эпохе. «Back in USSR» // *Российская газета*. № 2.
- Проект документа «Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в отношении Церкви». Москва, 16 декабря 2010 г. // <http://www.patriarchia.ru>
- Проект документа «Практика заявлений и действий иерархов, духовенства и мирян во время предвыборных кампаний. Проблема выдвижения духовенством своих кандидатур на выборах». Москва, 16 декабря 2010 г. // <http://www.patriarchia.ru>
- Путин В.В. (1999) Россия на рубеже тысячелетий // *Независимая газета*. 30 декабря 1999.
- Руднев В.П. (2001) Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф.
- Рыклин М. (2000) Немец на заказ: образ фашиста в соцреализме // *Соцреалистический канон*. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект.
- Семенов Е.В. (1997) Антиномия антропо- и социоцентризма в социальном познании // *Философия и культура: Сборник к 60-летию В.А. Конева*. Самара: Издательство «Самарский университет».
- Сильнова Е.И. (2010) Образ Советской России: человек и общество в контексте национальной ментальности // *Вопросы культурологии*. № 5.
- Смирнов И. (2000) Соцреализм: антропологическое измерение // *Соцреалистический канон*. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект.
- Снегирев В.Н. (2011) Остров потрясения // *Российская газета*. № 62.
- Соколов М. (2010) «Путин абсолютен» // *Известия*. 5 октября 2010 // <http://www.izvestia.ru/sokolov/article3109016/>
- Тайлор Э.Б. (1989) Первобытная культура. М.: Политиздат.
- Хюбнер Б. (2006) Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Пер. с нем. А.Б. Демидов. Минск: Экономпресс.
- Чернова М.Н. (2003) Люди и судьбы. Россия – XX век: Материалы по курсу «История России. XX век». М.: АРКТИ.
- Швейцгер А. (1973) Культура и этика. М.: Прогресс.

-
- Шестаков В.А.* (2008) Новейшая история России. М.: АСТ: Астрель.
- Шинкаренко В.Д.* (2009) Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Юстус У.* (2000) Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект.
- Якушев А.В.* (2009) История России (конспект лекций). М.: А-Приор.
- Guénon R.* (1964) *La crise du monde moderne*. Paris: Gallimard.
- Menzel B.* (2007) The Occult Revival in Russia Today and Its Impact on Literature // The Harri-man Review. № 1.